

А.В. Васильева

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ ДИМИНУТИВА В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО И ТЮРКСКО-РУССКОГО БИЛИНГВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

Представлены результаты исследования компонента эмоциональности в ментальном лексиконе тюркско-русских билингов и носителей русского языка как родного, актуализируемого использованием диминутива, производного существительного с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Основной аспект анализа – соотношение компонента эмоциональности с компонентами оценочности и частотности. Установлено, что носители русского языка как родного и тюркско-русские билингвы имеют схожую чувствительность к фактору эмоциональности и связанным с ним факторам.

Ключевые слова: тюркско-русский билингвизм; ментальный лексикон; диминутив; эмоциональность; оценочность; возраст усвоения.

В настоящее время исследования, посвященные категории эмоциональности, активно развиваются. В сфере внимания исследователей находятся как функционально-семантические особенности данного класса единиц, выявляемые с использованием лингвистических текстологических, структурно-семантических методов анализа, так и аспекты их когнитивной обработки, восприятия и понимания, исследуемые с опорой прежде всего на психолингвистические экспериментальные методы. Так, ученые рассматривают вопросы, связанные с особенностями выражения данной категории средствами разных уровней [1, 2] спецификой восприятия эмоциональной лексики по сравнению с нейтральной [3–5], особенностями взаимодействия эмоциональности с другими психолингвистическими категориями, влияющими на восприятие [5–8].

Кроме того, категория эмоциональности изучается с точки зрения влияния различных социолингвистических и этнолингвистических параметров на использование эмотивов в речи говорящим и их восприятие слушающим. В частности, ученые исследуют своеобразие использования диминутивов в разных социально детерминированных жанрах и дискурсах, корреляцию темы общения и активности использования диминутивов и др. [9–11], влияние гендерного фактора на обработку эмоциональной лексики [12], восприятие эмоциональных слов детьми и взрослыми [13], а также взаимодействие эмоциональности и фактора билингвизма [14].

В настоящее время интерес к исследованию этого аспекта социальных, этноязыковых детерминаций использования и когнитивной обработки диминутивов возрастает в связи с общим повышением исследовательского внимания к проблемам билингвизма, детерминированного, в свою очередь, возрастанием социальной значимости билингвальных взаимодействий в современном мире. В широком спектре психолингвистических исследований проблем билингвизма отметим изучение специфики ментального лексикона билингва, особенностей взаимодействий в нем первого, материнского языка (L1) и второго, усваиваемого (L2), факторов, детерминирующих данное взаимодействие. Ментальный лексикон (МЛ) понимается как

«система, отражающая в языковой способности знания о словах и эквивалентных им единицах, а также выполняющая сложные функции, связанные не только с указанными языковыми единицами, но и стоящими за ними структурами представления экстралингвистического (энциклопедического) знания» [15. С. 97].

В ряду наиболее важных проблем, которые разрешают психолингвисты, находится проблема организации ментального лексикона билингва [16–18]: решается вопрос о том, осуществляется ли доступ к единицам первого и второго языков параллельно, или слова второго языка опознаются через слова первого; проблема положения разных компонентов МЛ, в том числе эмоционального компонента, в структуре ментального лексикона. При решении данного вопроса ученые на материале разных языков и разных типов лексики [19–21] приходят к выводу, что эмоциональный лексикон одного языка не всегда соотносится с эмоциональным лексиконном другого языка. Так, А. Павленко в своей работе [22] делает подробный обзор имеющихся исследований по данной тематике и, обобщая, выделяет три типа билингвального эмоционального ментального лексикона:

1. Эмоциональный лексикон под влиянием L1. В этом случае слова второго языка связаны с понятиями первого языка, что приводит к интерференции и категоризации эмоций на основе L1; такой тип лексикона характерен для носителей билингвизма с низким уровнем L2, а также низким уровнем аккультурации.

2. Эмоциональный лексикон под влиянием L2 – слова L1 связаны с понятиями L2, категоризация эмоций осуществляется на основе L2; данный тип лексикона характерен для билингов, которые длительное время проживают в языковой среде, где распространен L2, постоянно взаимодействуют с его носителями.

3. Транскультурный эмоциональный лексикон – тип лексикона, при котором репрезентации эмоциональных слов так или иначе соотносятся с репрезентациями монолингвальных испытуемых, говорящих на тех же языках, либо они легко видоизменяются в зависимости от контекста и собеседников; такой тип лексикона характерен для транскультурных билингов, которые находятся то в одной, то в другой языковой среде [22. Р. 107–108].

Цель данной статьи – представление результатов исследования выявления положения эмоционального компонента в структуре метального лексикона тюркско-русских билингвов и носителей русского языка как родного в соотношении с другими психолингвистическими параметрами, а также влияния этих компонентов на процессы когнитивной обработки. Исследуется соотношение эмоциональности и таких компонентов, как оценочность (соотносится с параметром *valence*), частотность слова, возраст усвоения, а также контекстная реализация.

Выбор для анализа класса диминутивов как класса эмоционально-оценочных единиц русского языка мотивирован тем, что деривационный способ выражения эмоционального отношения к предмету речи составляет отличительную особенность русского языка [23–25]. Незначительное количество соотносимых деривационных морфем в тюркских языках не имеет той широты функциональности в выражении смыслов, которая присуща русскому языку, вследствие этого мы предполагаем, что данный аспект структурно-семантического своеобразия родного языка билингва может оказать воздействие на интерпретацию единиц анализируемого класса эмоциональной лексики второго, русского языка. Однако мы также считаем, что значимым окажется и фактор типа билингвизма, поскольку сравниваются оценки эмоциональности, данные носителями языка как родного и носителями раннего естественного билингвизма. Таким образом, в статье представлено решение исследовательской задачи выявления влияния факторов структурно-семантического устройства первого языка и типа билингвизма на оценки эмоциональности слов второго языка.

При разрешении поставленной задачи мы опираемся на данные о восприятии категории эмоциональности носителями билингвизма, полученные в предшествующих исследованиях. Так, в статье Ронаги и др. [26] приводится обзор работ, посвященных данной проблеме. В частности, было показано, что в целом первый язык является более эмоциональным, чем второй или последующие языки [27–29], что эмоциональные ассоциации слов устанавливаются, как правило, в детстве [30]; доказана необходимость учитывать тип билингвизма, важность противопоставления сбалансированного раннего билингвизма и позднего учебного [27, 30, 31] по отношению к категории эмоциональности L2. Исследования субъективных оценок эмоциональности носителями билингвизма, проводимые с использованием метода анкетирования с применением приема шкалирования, показали, что билингвы считают первый язык более эмоциональным, чем второй, независимо от уровня владения, что явилось основанием утверждения, что хотя билингвы знают эмоциональный смысл слов второго языка, они его не чувствуют [22. Р. 140–141].

Одной из базовых теоретических идей об устройстве ментального лексикона является утверждение, что ментальный лексикон представляет собой не статичный конструкт, а функциональную систему, компоненты которой находятся в активных динамических отношениях. Конкретизацией этого положения при-

менительно к эмоциональному компоненту является тезис о том, что эмоциональность находится в динамических соотношениях с рядом других значимых психолингвистических категорий. В современных психолингвистических исследованиях эмоциональность анализируется в соотношении с компонентами семантики: 1) *valence*, или *evaluation* (коннотация, или оценка), – восприятие стимула как положительного или отрицательного; 2) *arousal*, или *activity* (активация), – степень, в которой стимул является «спокойным» или «волнующим» [32, 33]. В предыдущих исследованиях было выявлено влияние контекстуальной соотношенности стимулов на обработку эмоциональных слов [8, 34]. Кроме того, многие ученые выделяют такие факторы, как частотность слова и возраст усвоения (*Age of Acquisition – AoA*), как те, которые оказывают влияние на восприятие различных групп лексических единиц [35, 36].

Поставленная в нашем исследовании задача сравнить соотношение компонента эмоциональности с рядом отмеченных психолингвистически релевантных компонентов, признаков и условия актуализации в ментальном лексиконе билингва и носителя русского языка решается с помощью метода анкетирования с применением приема шкалирования (использовалась семичленная шкала Ликерта).

Опросные листы включали единицы, соотносимые по исследуемым параметрам. Для формирования групп стимулов для анализа был использован словник «Большого толкового словаря русских существительных» Л.Г. Бабенко [37]. Были отобраны непроемкие имена и образованные от них диминутивы с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *вилка – вилочка, рука – ручка, папа – папочка*; эта группа стимулов включала наименования родственных связей (*папа, тетя, бабушка, жена* и др.), частей тела (*рука, живот, глаз, желудок* и др.), предметов одежды (*блуза, джинсы, костюм, кофта* и др.), предметов домашнего быта и предметов мебели (*вилка, стул, ковер, кушетка* и др.).

Для проведения сравнительного анализа были сформированы группы слов с положительным (*великолепие, шедевр, прелесть, триумф*) и отрицательным (*идиотство, тупица, безобразие, мерзость*) значениями, которые использовались с целью определения наиболее точного места диминутивов на шкале эмоциональности.

Общее количество стимулов в опросных листах – 371, из которых 163 единицы – непроемкие слова (*стол, костюм, дочь*), 166 – диминутивы (*столик, костюмчик, доченька*), образованные от непроемких слов, 42 – филеры (*великолепие, мерзость*).

В процессе проведения анкетирования участникам предлагалось оценить лексические единицы по шкале от 1 до 7 по следующим параметрам:

- сила эмоции (что, как мы считаем, соотносится с психолингвистическим параметром – *arousal*);
- тип оценки (соотносимый с параметром *valence*);
- типовые контексты использования: а) в разговоре о ком чаще используется слово (о ребенке vs. о взрослом), б) в разговоре с кем чаще используется слово (с ребенком vs. со взрослым);

- частотность;
- возраст усвоения слова.

Исследования проводились с использованием анкет, напечатанных на бумаге (формат А4). Все слова были разделены на 6 списков, от 60 до 70 существительных в каждом списке, упорядоченных случайным образом. На каждом листе была размещена инструкция для информантов, скорректированная относительно оцениваемого параметра.

Целью первого этапа проведения исследования было выявление корреляции эмоциональной семантики лексем-диминов с смежными психолингвистически релевантными параметрами, сравнение диминутивов с другими группами эмоциональной и нейтральной лексики по данному параметру. Сравнение проводилось с использованием статистических методов (пакет программ STATISTICA).

На первом этапе анкетирования было проведено в группе носителей русского языка как родного, в качестве которых выступили студенты филологического факультета и факультета иностранных языков ТГУ; возраст – от 17 до 28, средний возраст – 22,4 года, всего – 240 человек (86 мужчин и 154 женщины); все респонденты указали русский язык как родной.

В результате анкетирования было получено 52 764 наблюдений. На основе корреляционного анализа были выявлены статистически значимые взаимосвязи между исследуемыми параметрами: субъективной частотностью, типом оценки, степенью эмоциональности, типовым контекстом сочетаемости и возрастом усвоения. Кроме того, была выявлена специфика слов с диминутивными суффиксами по сравнению с другими группами слов – диминутивы являются наименее частотными, оцениваются как те, которые употребляются скорее в разговоре с детьми (о детях), могут быть как эмоциональными, так и неэмоциональными, а также характеризуются скорее как нейтральные единицы, чем положительные. Также, согласно ответам испытуемых, они являются словами, усваиваемыми в довольно раннем возрасте. Результаты анкетирования, проведенного с привлечением в качестве респондентов носителей русского языка как родного, были опубликованы в [38].

На втором этапе было проведено аналогичное исследование, респондентами в котором выступили тюркско-русские билингвы. Респонденты называли в качестве первого, материнского языка один из тюркских языков – шорский (5 человек), хакасский (28 человек), татарский (27 человек). Всего к участию в анкетировании было привлечено 60 человек, 24 мужчины и 36 женщин в возрасте от 16 до 73 лет, средний возраст – 32,7 года (стандартное отклонение = 14,3); уровень образования варьировался от среднего до высшего и при этом уровень владения, время усвоения и частота использования данных языков также варьировались.

Как можно видеть из приведенных данных, возраст, а также уровень образования респондентов, принявших участие в первом этапе анкетирования, значительно отличаются от возраста и уровня образования билингвов, принявших участие во втором этапе. Значительные социолингвистические различия в

группах респондентов могли повлиять на результаты анкетирования. Вследствие этого было принято решение привести выборки монолингвов и билингвов к сходному распределению признаков. Так как привлечение билингвальных испытуемых строго ограниченного типа связано со значительными трудностями, было принято решение провести дополнительные опросы в группе носителей русского языка как родного, привлечь к анкетированию респондентов других возрастных групп, имеющих более широкий диапазон уровня образования.

Таким образом, ко второй серии анкетирования было привлечено 27 респондентов – носителей русского языка как родного в возрасте от 18 до 71, каждый из которых заполнил 1 сет, т.е. 6 анкет. Кроме того, еще 28 сетов, по 6 анкет каждый, были собраны из данных, полученных на первом этапе, т.е. в качестве респондентов выступили студенты в возрасте от 17 до 25 лет. Средний возраст респондентов на данном этапе – 30,6 года (стандартное отклонение – 13,4).

В результате на втором этапе было получено 20 653 наблюдения респондентов – носителей русского языка как родного, все наблюдения были включены в анализ.

В табл. 1 представлены описательные статистики полученных результатов по параметрам «Субъективная частотность», «Тип оценки», «Степень эмоциональности», типовым контекстам сочетаемости и возрасту усвоения у испытуемых – носителей русского языка как родного на двух этапах анкетирования.

Опираясь на данные, указанные в табл. 1, при сравнении значений, полученных в результате проведения двух этапов анкетирования, мы видим, что все статистические показатели отличаются незначительно ($\sim 0,1$), что, вероятно, свидетельствует о близости оценок, которые испытуемые обеих групп присваивали словам-стимулам.

Так же как и на первом этапе проведения анкетирования, на втором этапе наличие корреляций проверялось с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена. В табл. 2 представлены данные, полученные на втором этапе, в сопоставлении с данными корреляционного анализа, проведенного на первом этапе.

Исходя из данных, полученных в группе носителей русского языка как родного на втором этапе анализа, и при сравнении их с данными первого этапа можно выделить следующие наиболее значимые корреляции:

1) прямая корреляционная связь между параметрами «Разговоры с ребенком / взрослым» и «Разговоры о ребенке / взрослом» ($r = 0,874$; $r = 0,919$);

2) прямая корреляционная связь между параметрами «Тип оценки» и «Разговоры с ребенком / взрослым» ($r = 0,442$; $r = 0,582$);

3) прямая корреляционная связь между параметрами «Возраст усвоения» и «Разговоры с ребенком / взрослым» ($r = 0,450$; $r = 0,542$);

4) обратная корреляционная связь между параметрами «Степень эмоциональности» и «Разговоры с ребенком / взрослым» ($r = -0,467$; $r = -0,297$);

Таблица 1

Описательные статистики эмоциональности и смежных категорий у респондентов – носителей русского языка как родного на двух этапах анкетирования

Параметр	Средн.		Min		Max		Q1		Q2		Q3		Ст. откл.		IQR	
	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2
Разговоры о ребенке / взрослом	4,124	4,131	1,827	1,600	6,823	7,000	3,166	3,222	4,166	4,222	4,862	4,888	1,113	1,177	1,695	1,666
Степень эмоциональности	2,779	2,717	1,000	1,000	6,045	6,000	1,500	1,666	2,928	2,500	3,727	3,666	1,280	1,227	2,227	2,000
Тип оценки	3,451	3,209	1,024	1,000	6,896	7,000	2,700	2,500	3,566	3,000	3,933	3,888	0,960	0,999	1,233	1,388
Разговоры с ребенком / взрослым	3,974	3,941	1,916	1,285	6,653	6,714	3,066	3,000	4,000	4,000	4,695	4,571	1,085	1,130	1,628	1,571
Возраст усвоения	2,509	2,597	1,045	1,000	4,680	5,625	1,920	1,875	2,400	2,500	3,000	3,222	0,754	0,920	1,080	1,347
Субъективная частотность	4,062	4,020	1,185	1,125	6,952	3,546	2,880	2,833	4,107	3,875	5,280	5,222	1,410	1,494	2,400	2,388

Примечание. Здесь и в табл. 2: A1 – первый этап анкетирования; A2 – второй этап анкетирования. Здесь и далее в таблицах: Средн. – среднее значение; Ст. откл. – стандартное отклонение; Min, Max – минимальное и максимальное значения; Q1, Q2 (медиана), Q3 – первый, второй, третий квартили соответственно; IQR – межквартильный размах.

Таблица 2

Корреляции параметров у респондентов – носителей русского языка как родного (с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена) на двух этапах анкетирования

Показатель	Разговоры о ребенке / взрослом		Степень эмоциональности		Тип оценки		Разговоры с ребенком / взрослым		Возраст усвоения		Субъективная частотность	
	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2
Разговоры о ребенке / взрослом	1,000	1,000	-0,448	-0,277	0,557	0,385	0,919	0,874	0,518	0,485	0,321	0,115
Степень эмоциональности	-0,448	-0,277	1,000	1,000	-0,520	-0,375	-0,467	-0,297	-0,024	0,059	-0,433	-0,284
Тип оценки	0,557	0,385	-0,520	-0,375	1,000	1,000	0,582	0,442	0,212	0,150	0,247	0,144
Разговоры с ребенком / взрослым	0,919	0,874	-0,467	-0,297	0,582	0,442	1,000	1,000	0,542	0,450	0,306	0,170
Возраст усвоения	0,518	0,485	-0,024	0,059	0,212	0,150	0,542	0,450	1,000	1,000	-0,402	-0,485
Субъективная частотность	0,321	0,115	-0,433	-0,284	0,247	0,144	0,306	0,170	-0,402	-0,485	1,000	1,000

Таблица 3

Описательные статистики оценки параметров с распределением по группам стимулов у испытуемых-носителей русского языка как родного

Параметр Тип	Слова с положительной оценкой			Диминутивы			Слова с нейтральной оценкой			Слова с отрицательной оценкой		
	Ср.	Min	Max	Ср.	Min	Max	Ср.	Min	Max	Ср.	Min	Max
Разговоры о ребенке / взрослом	5,115	2,125	7,000	3,306	1,600	6,620	4,657	2,200	7,000	5,489	4,250	6,666
Степень эмоциональности	3,229	1,200	5,666	3,341	1,000	5,500	1,848	1,000	4,857	4,402	1,700	6,000
Тип оценки	2,295	1,000	4,000	2,806	1,000	5,111	3,434	1,250	5,000	5,619	1,555	7,000
Разговоры с ребенком / взрослым	5,062	3,200	6,285	3,069	1,285	6,090	4,462	2,428	6,571	5,583	3,928	6,714
Возраст усвоения	3,267	1,625	4,875	2,492	1,000	5,000	2,508	1,000	5,625	3,522	1,777	4,875
Субъективная частотность	4,282	1,714	7,000	3,389	1,125	7,000	4,646	1,250	6,909	3,663	1,571	5,750

Таблица 4

Описательные статистики эмоциональности и смежных категорий у тюркско-русских билингвов в сопоставлении с данными, полученными от респондентов – носителей русского языка как родного

Параметр	Средн.		Min		Max		Q1		Q2		Q3		Ст. откл.		IQR	
	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB
Разговоры о ребенке / взрослом	4,131	4,027	1,600	1,571	7,000	6,888	3,222	3,111	4,222	4,000	4,888	4,785	1,177	1,179	1,666	1,674
Степень эмоциональности	2,717	2,679	1,000	1,000	6,000	6,444	1,666	1,666	2,500	2,555	3,666	3,333	1,227	1,173	2,000	1,666
Тип оценки	3,209	3,370	1,000	1,133	7,000	6,833	2,500	2,866	3,000	3,400	3,888	3,857	0,999	0,840	1,388	0,990
Разговоры с ребенком / взрослым	3,941	4,025	1,285	1,500	6,714	7,000	3,000	3,285	4,000	4,000	4,571	4,666	1,130	1,120	1,571	1,380
Возраст усвоения	2,597	2,836	1,000	1,111	5,625	5,333	1,875	2,125	2,500	2,777	3,222	3,444	0,920	0,872	1,347	1,319
Субъективная частотность	4,020	4,147	1,125	1,000	3,546	7,000	2,833	3,166	3,875	4,139	5,222	5,125	1,494	1,345	2,388	1,958

Таблица 5

Корреляции параметров в группе тюркско-русских билингвов (с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена) в сравнении с данными корреляционного анализа, проведенного в группе носителей русского языка как родного

Показатель	Разговоры о ребенке / взрослом		Степень эмоциональности		Тип оценки		Разговоры с ребенком / взрослым		Возраст усвоения		Субъективная частотность	
	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB
Разговоры о ребенке / взрослом	1,000	1,000	-0,277	-0,268	0,385	0,431	0,874	0,870	0,485	0,442	0,115	0,043
Степень эмоциональности	-0,277	-0,268	1,000	1,000	-0,375	-0,562	-0,297	-0,303	0,059	0,008	-0,284	-0,203
Тип оценки	0,385	0,431	-0,375	-0,562	1,000	1,000	0,442	0,452	0,150	0,138	0,144	0,088
Разговоры с ребенком / взрослым	0,874	0,870	-0,297	-0,303	0,442	0,452	1,000	1,000	0,450	0,449	0,170	0,007
Возраст усвоения	0,485	0,442	0,059	0,008	0,150	0,138	0,450	0,449	1,000	1,000	-0,485	-0,394
Субъективная частотность	0,115	0,043	-0,284	-0,203	0,144	0,088	0,170	0,007	-0,485	-0,394	1,000	1,000

Таблица 6

Описательные статистики оценки параметров с распределением по группам стимулов у испытуемых – тюркско-русских билингвов

Параметр / Тип	Слова с положительной оценкой			Диминутивы			Слова с нейтральной оценкой			Слова с отрицательной оценкой		
	Ср.	Min	Max	Ср.	Min	Max	Ср.	Min	Max	Ср.	Min	Max
Разговоры о ребенке / взрослом	4,834	2,142	6,285	3,323	1,714	6,750	4,433	1,571	6,888	5,601	3,555	6,857
Степень эмоциональности	3,679	1,777	6,166	3,209	1,222	6,222	1,889	1,000	5,285	3,923	1,666	6,444
Тип оценки	2,630	1,133	4,000	2,990	1,222	5,166	3,622	1,916	5,166	5,184	1,666	6,833
Разговоры с ребенком / взрослым	5,060	2,250	6,333	3,313	1,500	6,833	4,404	2,666	6,833	5,661	3,875	7,000
Возраст усвоения	3,423	2,142	4,750	2,730	1,333	5,333	2,804	1,166	5,000	3,366	1,11	4,833
Субъективная частотность	4,433	1,666	6,333	3,705	1,166	7,000	4,648	1,000	7,000	3,290	1,625	5,928

5) обратная корреляционная связь между параметрами «Степень эмоциональности» и «Тип оценки» ($r = -0,375$; $r = -0,520$);

6) обратная корреляционная связь между параметрами «Возраст усвоения» и «Субъективная частотность» ($r = -0,485$; $r = -0,402$).

Все отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,05$.

Как видно из полученных результатов, число значимых корреляций на высоком и среднем уровне у носителей русского языка как родного на втором этапе отличается от числа таких корреляций, выявленных на первом этапе. В то же время имеющиеся значимые корреляции совпадают и в первом и во втором случае, однако на втором этапе показатели по каждому параметру отличаются в меньшую сторону (примерно на 0,1 по каждому параметру). Данный факт свидетельствует о том, что общие тенденции во взаимодействиях параметров групп эмоциональных слов, являющихся стимулами во всех проведенных анкетированиях и поведенческих экспериментах, одинаковы для обеих групп испытуемых.

Описательные статистики оценки параметров с распределением относительно представленных групп лексики представлены в табл. 3.

Анализ средних значений каждой групп единиц позволяет говорить о том, что по сравнению с тремя другими группами слов диминутивы имеют примерно одинаковую частотность со словами с отрицательной оценкой (3,389 – средняя частотность диминутивов vs. 3,663 – средняя частотность слов с отрицательной оценкой), оцениваются как те, которые употребляются скорее в разговоре с детьми (о детях) (3,306; 3,069 – данные показатели наиболее близки делению шкалы «это слово скорее используется в разговоре с детьми (о детях), чем со взрослыми (о взрослых)»), как слова, которые могут быть как эмоциональными так и неэмоциональными (3,341 соотносится с делением шкалы «как нейтральное, так и эмоциональное»), а также характеризующиеся скорее как нейтральные единицы, чем положительные (2,806 соотносится с делением шкалы «слово выражает скорее нейтральную оценку, чем положительную»). Кроме того, они являются словами, которые усваиваются в довольно раннем возрасте (от 3 до 5 лет), согласно ответам испытуемых (2,492 – слова, усвоенные в промежутках 3–5/7–9 лет).

Для выявления различий внутри выделенных групп стимулов полученные характеристики стимулов были проанализированы с использованием критерия Краскела–Уоллиса. Внутригрупповой анализ полученных данных по различным показателям выявил следующее:

1. По показателю «Субъективная частотность» диминутивы значимо отличаются от нейтральных производящих слов ($p < 0,001$) и от единиц с положительным значением ($p < 0,05$).

2. По параметрам «Разговоры с ребенком / взрослым (о ребенке / взрослом)» диминутивы значимо отличаются от всех остальных групп слов ($p < 0,001$).

3. По параметру «Степень эмоциональности» диминутивы значимо отличаются от исходных нейтральных слов ($p < 0,001$).

4. По параметру «Тип оценки» диминутивы значимо отличаются от исходных нейтральных слов ($p = 0,000000$), а также от отрицательных единиц ($p < 0,001$).

5. По параметру «Возраст усвоения» диминутивы и исходные нейтральные слова значимо отличаются от положительных и отрицательных слов ($p < 0,001$).

Таким образом, сравнивая результаты, полученные на первом и втором этапах проведения анкетирования с респондентами – носителями русского языка как родного, мы можем сделать вывод о том, что несмотря на то, что количество корреляций и их числовые показатели немного отличаются, общие тенденции по всем числовым показателям сохраняются, что позволяет говорить о том, что такие факторы, как возраст испытуемых и уровень образования респондентов, оказывает незначительное влияние на обработку эмоциональных слов.

Как было отмечено ранее, на втором этапе анкетирования в качестве респондентов выступили также тюркско-русские билингвы. Всего было получено 21 959 наблюдений, все наблюдения были включены в анализ.

На материале данных, полученных в группе тюркско-русских билингвах, были проведены аналогичные тесты, как и в предыдущих двух случаях.

В табл. 4 представлены описательные статистики полученных результатов по параметрам «Субъективная частотность», «Тип оценки», «Степень эмоциональности», типовым контекстам сочетаемости и возрасту усвоения у билингвальных испытуемых в сравнении с данными, полученными во второй серии экспериментов, проведенных на испытуемых-носителях русского языка как родного (анкетирование в группе носителей русского языка как родного – АР, анкетирование в группе тюркско-русских билингвов – АБ).

Как видно из табл. 4, показатели по всем параметрам описательных статистик, полученных в двух группах респондентов в этом случае, также отличаются незначительно ($\sim 0,1$).

На следующем этапе, также как и в двух предыдущих случаях, был проведен корреляционный анализ с целью выявления наличия корреляций между категориями эмоциональной лексики у тюркско-русских билингвов. В табл. 5 представлены данные корреляционного анализа, проведенного на данных тюркско-русских билингвов в сопоставлении с данными корреляционного анализа, проведенного на данных, полученных в группе носителей русского языка как родного.

В результате анализа в группе оценок тюркско-русских билингвов были выделены следующие значимые корреляции:

1) прямая корреляционная связь между параметрами «Разговоры с ребенком / взрослым» и «Разговоры о ребенке / взрослом» ($r = 0,870$);

2) прямые корреляционные связи между параметрами «Тип оценки» и «Разговоры с ребенком / взрослым (о ребенке / взрослом)» ($r = 0,452$; $r = 0,509$);

3) прямые корреляционные связи между параметрами «Возраст усвоения» и «Разговоры с ребенком / взрослым (о ребенке / взрослом)» ($r = 0,449$; $r = 0,442$);

4) обратная корреляционная связь между параметрами «Степень эмоциональности» и «Разговоры с ребенком / взрослым» ($r = -0,303$);

5) обратная корреляционная связь между параметрами «Степень эмоциональности» и «Тип оценки» ($r = -0,562$): чем более эмоциональным является слово, тем более положительная выражаемая им оценка;

6) обратная корреляционная связь между параметрами «Возраст усвоения» и «Частотность» ($r = -0,394$).

Таким образом, мы видим, что корреляционные связи, выявленные у билингвальных респондентов, и корреляционные связи, выявленные у носителей русского языка как родного, совпадают. Показатели выявленных связей отличаются, однако незначительно.

В табл. 6 представлены описательные статистики оценки параметров с распределением по группам стимулов.

Анализ средних значений по данной таблице позволяет говорить о диминутивах как об единицах, которые билингвальные испытуемые оценивают как единицы со средней частотностью, как слова, которые употребляются скорее в разговоре с детьми (о детях), как не совсем эмоциональные слова, но близкие к ним, а также характеризующиеся скорее как нейтральные единицы, чем положительные. Кроме того, они являются словами, которые усваиваются в довольно раннем возрасте (от 3 до 5 лет), согласно ответам испытуемых. Таким образом, эти оценки также совпадают с оценками, данными диминутивам носителями русского языка как родного.

Анализ внутригрупповых различий с использованием критерия Краскела–Уоллиса показал, что отличия диминутивов от других групп лексики (нейтральные, положительные, отрицательные единицы) по всем параметрам совпадают с различиями, обнаруженными у носителей русского языка как родного.

В результате проведенного анкетирования мы можем сделать вывод об особенностях эмоционального компонента ментального лексикона билингвов и носителей русского языка как родного. Наличие статистически значимых корреляций выделенных параметров («Субъективная частотность», «Возраст усвоения», контекстуальная соотнесенность, «Тип оценки») свидетельствует о том, что эмоциональность действительно вступает во взаимодействие с данными психо-

лингвистическими характеристиками эмоциональных слов. Статистический анализ, направленный на сравнение диминутивов с тремя другими группами слов по указанным параметрам, также продемонстрировал их специфику.

Таким образом, данное исследование дополняет имеющиеся результаты, полученные на материале русского языка, свидетельствующие о взаимодействии эмоциональности с другими психолингвистическими факторами [38] и о влиянии контекстуальности на обработку эмоциональных слов [8; 34]. То есть, с одной стороны, общие закономерности, выявленные в предыдущих работах, находят подтверждение в настоящей статье, однако если предшествующие исследования рассматривали особенности взаимодействия категории эмоциональности со смежными психолингвистическими факторами в группе носителей одного языка – русского, то в данном случае фиксируется влияние фактора билингвизма на такое взаимодействие.

Особый тип исследуемого билингвизма – тюркско-русский, предопределяет, в свою очередь, новизну исследования по отношению к результатам, полученным ранее на материале других языков, свидетельствующих о влиянии типа билингвизма на обработку эмоциональной лексики [27–31]. Основываясь на этих данных, мы полагаем, что полученные нами результаты могут быть связаны главным образом с типом исследуемого билингвизма – естественный с доминированием второго языка. Участники нашего исследования используют второй язык ежедневно и повсеместно, в большинстве случаев чаще, чем первый, а также большая часть респондентов – ранние билингвы, т.е. они усвоили русский язык в довольно раннем возрасте. Этот факт обуславливает, во-первых, наличие корреляционных связей между эмоциональностью и смежными психолингвистическими категориями у билингвальных респондентов, что согласуется с имеющимися данными о том, что эмоциональные ассоциации устанавливаются, как правило, в детстве [30]. Во-вторых, как следствие, это объясняет схожесть результатов, полученных в группах носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск : Наука, 1986. 230 с.
2. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981. 255 с.
3. Kanske P., Kotz S.A. Concreteness in emotional words: ERP evidence from a hemifield study // *Brain Res.* 2007. № 1148. P. 138–148
4. Kousta S.-T., Vinson D.P., Vigliocco G. Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words // *Cognition.* 2007. № 112. P. 473–481.
5. Sheikh N.A., Titone D.A. Sensorimotor and linguistic information attenuate emotional word processing benefits: an eye-movement study // *Emotion.* 2013. № 13. P. 1107–1121.
6. Kuchinke L. et al. Pupillary responses during lexical decisions vary with word frequency but not emotional valence // *International Journal of Psychophysiology.* 2007. № 65 (2). P. 132–140.
7. Scott G.G., O'Donnell P.J., Leuthold H., Sereno S.C. Early emotion word processing: Evidence from event-related potentials // *Biological Psychology.* 2009. № 8 (1). P. 95–104.
8. Резанова З.И., Васильева А.В., Позовкина К.С., Хабибулина А.С. Когнитивная обработка русских экспрессивных единиц: гендерное своеобразие // *Вестник Томского государственного университета.* 2017. № 420. С. 74–81.
9. Менькова Н.В. Диминутивы как речевая неудача // *Верхневолжский филологический вестник.* 2018. № 4. С. 127–136.
10. Протасова Е.Ю. Овладение категориями свое-чужое в детской речи // *Теоретические проблемы функциональной грамматики : материалы Всерос. науч. конф. (СПб., 26–28 сентября 2001) / под ред. А.В. Бондарко. СПб., 2001. С. 238–245.*
11. Буряковская А.А., Звонарева Ю.Н. Гендерные особенности выражения оценки при помощи диминутивов и аугментативов // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки.* 2011. № 2. С. 448–454.
12. Gohier B., Senior C., Brittain P.J., Lounes N., El-Hage W., Phillips M.L., Surguladze S.A. Gender differences in the sensitivity to negative stimuli: Cross-modal affective priming // *European Psychiatry.* 2013. № 28. P. 74–80.

13. Vasa R.A. et al. Valence ratings of emotional and non-emotional words in children // *Personality and individual differences*. 2006. № 41 (6). P. 1169–1180.
14. Pavlenko A. Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. № 11 (2). P. 147–164.
15. Краткий словарь когнитивных терминов / общ. ред. Е.С. Кубрякова. М. : Филол. факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
16. The bilingual mental lexicon: Interdisciplinary approaches / ed. by A. Pavlenko. *Multilingual Matters*, 2009. Т. 70.
17. An introduction to bilingualism: Principles and processes / ed. by J. Altarriba, R.R. Heredia. *Routledge*, 2018.
18. Costa A., Miozzo M., Caramazza A. Lexical selection in bilinguals: Do words in the bilingual's two lexicons compete for selection? // *Journal of Memory and Language*. 1999. Vol. 41 (3). P. 365–397.
19. Altarriba J. Does cari 'no equal 'liking'? A theoretical approach to conceptual nonequivalence between languages // *International Journal of Bilingualism*. 2003. Vol. 7, № 3. P. 305–322.
20. Anoshian L., Hertel P. Emotionality in free recall: Specificity in bilingual memory // *Cognition and Emotion*. 1994. Vol. 8, № 6. P. 503–514.
21. Drennan G., Levett A., Swartz L. Hidden dimensions of power and resistance in the translation process: A South African study // *Culture, Medicine, and Psychiatry*. 1991. Vol. 15. P. 361–381.
22. Pavlenko A. *Emotions and multilingualism*. Cambridge University Press, 2005. 304 p.
23. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979. 240 с.
24. Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. М., 1996. 411 с.
25. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 218 с.
26. Ponari M. et al. Processing advantage for emotional words in bilingual speakers // *Emotion*. 2015. № 15 (5). P. 644–652. DOI: 10.1037/emo0000061
27. Altarriba J. Expressions of emotion as mediated by context // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. № 11 (2). P. 165–167.
28. Dewaele J.M. The emotional force of swearwords and taboo words in the speech of multilinguals // *Journal of multilingual and multicultural development*. 2004. № 25 (2-3). P. 204–222.
29. Pavlenko A. Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. № 11 (2). P. 147–164.
30. Pavlenko A. Affective processing in bilingual speakers: disembodied cognition? // *International Journal of Psychology*. 2012. № 47 (6). P. 405–428.
31. Dewaele J.M., Pavlenko A. Emotion vocabulary in interlanguage // *Language learning*. 2002. № 52 (2). P. 263–322.
32. Kuperman V., Estes Z., Brysbaert M., Warriner A.B. Emotion and language: Valence and arousal affect word recognition // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2014. № 143 (3). P. 1065–1081.
33. Larsen R.J., Mercer K.A., Balota D.A., Strube M.J. Not all negative words slow down lexical decision and naming speed: Importance of word arousal // *Emotion (Washington D.C.)*. 2008. Vol. 8. P. 445–452.
34. Резанова З.И., Некрасова Е.Д. Семантика диминутивных суффиксов в восприятии носителей русского языка: влияние контекстных и социальных факторов // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 421. С. 12–21.
35. Mendez-Bertolo C., Pozo M.A., Hinojosa J.A. Word frequency modulates the processing of emotional words: Convergent behavioral and electrophysiological data // *Neuroscience Letters*. 2011. № 494 (3). P. 250–254. DOI: 10.1016/j.neulet.2011.03.026
36. Zevin J.D., Seidenberg M.S. Age of acquisition effects in word reading and other tasks // *Journal of Memory and Language*. 2002. № 47 (1). P. 1–29. DOI: 10.1006/jmla.2001.2834
37. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. М. : АСТ-Пресс Книга, 2008. 862 с.
38. Васильева А.В., Резанова З.И. Эмоциональность диминутива: соотношение с оценочностью, частотностью, возрастом усвоения, контекстуальной маркированностью // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. №. 445. С. 22–31.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 апреля 2020 г.

The Emotionality of the Diminutive in the Mental lexicon of the Russian Native Speaker and the Turkic-Russian Bilingual

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 12–20.

DOI: 10.17223/15617793/454/2

Alina V. Vasilyeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alvasilevaa@mail.ru

Keywords: Turkic-Russian bilingualism; mental lexicon; diminutive; emotionality; evaluation; age of acquisition.

The study is supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Grant No. 14.Y26.31.0014.

This article presents the results of a study on identifying the status of the emotional component in the structure of the mental lexicon of Turkic-Russian bilinguals and native speakers of Russian in relation to other psycholinguistic parameters, and the influence of these components on cognitive processing. The correlation of emotionality and such components as evaluation (correlated with the valence parameter), word frequency, age of acquisition, and contextual implementation is studied. The problem set in the study is solved with the help of the questionnaire method using the scaling technique (the seven-point Likert scale). During the experiments, the participants were asked to evaluate lexical units on a scale from 1 to 7 according to the following parameters: power of emotion (which, as the author believes, corresponds to the psycholinguistic parameter *arousal*); type of evaluation (correlated with the parameter *valence*); typical usage contexts: (a) the word is most often used in conversations about a child or an adult, (b) the word is most often used in conversations with a child or an adult; word frequency; age of acquisition of the word. The total number of the stimuli in the questionnaires is 371, of which 163 units are non-derivative words, 166 are diminutives formed from non-derivative words, and 42 are fillers—groups of words with positive and negative meanings. The study was conducted in three stages. The article presents the results of the last two and compares the results with each other. At the second stage, the participants were Russian native speakers aged 18 to 71. At the third stage, the participants were the Turkic-Russian bilinguals, aged 16 to 73, all the respondents called one of the Turkic languages (Shor, Khakass, Tatar) their native language. Using the nonparametric Spearman correlation coefficient of the STATISTICA software package, similar correlations of diminutive lexemes' emotional semantics with the selected psycholinguistically relevant parameters were revealed in comparison with other groups of emotional and neutral vocabulary in both groups of subjects. The analysis of the diminutives using the Kruskal–Wallis criterion for Russian native speakers and Turkic-Russian bilinguals showed that the diminutives significantly differ in all the studied parameters from other groups of emotional and neutral vocabulary. The analysis in the two groups of subjects allows suggesting that they both have similar sensitivity to the emotional and the related factors, and the differences within the groups are identical. The author believes that the obtained results may be related mainly to the type of the studied bilingualism—natural with the dominance of a second language. This fact determines the correlations between emotionality and the related psycholinguistic categories in the bilingual partici-

pants, which is consistent with the available data that emotional associations are usually established in childhood. It also explains similar data obtained in both groups of participants—Russian native speakers and Turkic-Russian bilinguals.

REFERENCES

1. Luk'yanova, N.A. (1986) *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problemy semantiki* [Expressive Vocabulary of Colloquial Use: Problems of Semantics]. Novosibirsk: Nauka.
2. Skovorodnikov, A.P. (1981) *Ekspressivnye sintaksicheskie konstruktii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Expressive Syntactic Constructions of the Modern Russian Standard Language]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Kanske, P. & Kotz, S.A. (2007) Concreteness in emotional words: ERP evidence from a hemifield study. *Brain Res.* 1148. pp. 138–148
4. Kousta, S.-T., Vinson, D.P. & Vigliocco, G. (2007) Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words. *Cognition.* 112. pp. 473–481.
5. Sheikh, N.A. & Titone, D.A. (2013) Sensorimotor and linguistic information attenuate emotional word processing benefits: an eye-movement study. *Emotion.* 13. pp. 1107–1121.
6. Kuchinke, L. et al. (2007) Pupillary responses during lexical decisions vary with word frequency but not emotional valence. *International Journal of Psychophysiology.* 65 (2). pp. 132–140.
7. Scott, G.G., O'Donnell, P.J., Leuthold, H. & Sereno, S.C. (2009) Early emotion word processing: Evidence from event-related potentials. *Biological Psychology.* 8 (1). pp. 95–104.
8. Rezanova, Z.I., Vasil'eva, A.V., Pozovkina, K.S. & Khabibulina, A.S. (2017) Cognitive processing of an expressive word: gender specificity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 420. pp. 74–81. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/420/10
9. Men'kova, N.V. (2018) Diminutives as Speech Failure. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik – Verkhnevolzhskii Philological Bulletin.* 4. pp. 127–136. (In Russian).
10. Protasova, E.Yu. (2001) [Mastering the Category of Friend or Foe in Children's Speech]. *Teoreticheskie problemy funkcional'noy grammatiki* [Theoretical Problems of Functional Grammar]. Conference Proceedings. St. Petersburg. 26–28 September 2001. St. Petersburg: Nauka. pp. 238–245. (In Russian).
11. Buryakovskaya, A.A. & Zvonareva, Yu.N. (2011) Diminutives in the Male/Female Speech. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki.* 2. pp. 448–454.
12. Gohier, B. et al. (2013) Gender differences in the sensitivity to negative stimuli: Cross-modal affective priming. *European Psychiatry.* 28. pp. 74–80.
13. Vasa, R.A. et al. (2006) Valence ratings of emotional and non-emotional words in children. *Personality and Individual Differences.* 41 (6). pp. 1169–1180.
14. Pavlenko, A. (2008) Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon. *Bilingualism: Language and Cognition.* 11 (2). pp. 147–164.
15. Kubryakova, E.S. (ed.) (1997) *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Faculty of Philology, Moscow State University.
16. Pavlenko, A. (ed.) (2009) *The Bilingual Mental Lexicon: Interdisciplinary Approaches.* Multilingual Matters.
17. Altarriba, J. & Heredia, R.R. (ed.) (2018) *An Introduction to Bilingualism: Principles and Processes.* Routledge.
18. Costa, A., Miozzo, M. & Caramazza, A. (1999) Lexical selection in bilinguals: Do words in the bilingual's two lexicons compete for selection? *Journal of Memory and Language.* 41 (3). pp. 365–397.
19. Altarriba, J. (2003) Does cari 'no equal 'liking'? A theoretical approach to conceptual nonequivalence between languages. *International Journal of Bilingualism.* 7 (3). pp. 305–322.
20. Anoshian, L. & Hertel, P. (1994) Emotionality in free recall: Specificity in bilingual memory. *Cognition and Emotion.* 8 (6). pp. 503–514.
21. Drennan, G., Levett, A. & Swartz, L. (1991) Hidden dimensions of power and resistance in the translation process: A South African study. *Culture, Medicine, and Psychiatry.* 15. pp. 361–381.
22. Pavlenko, A. (2005) *Emotions and Multilingualism.* Cambridge University Press.
23. Zemskaya, E.A. (1979) *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya* [Russian Colloquial Speech: Linguistic Analysis and Learning Problems]. Moscow: Flinta.
24. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Translated from English. Moscow: Russkie slovari.
25. Rezanova, Z.I. (1996) *Funktsional'nyi aspekt slovoobrazovaniya: Russkoe proizvodnoe imya* [The Functional Aspect of Word Formation: Russian Derivative Name]. Tomsk: Tomsk State University.
26. Ponari, M. et al. (2015) Processing advantage for emotional words in bilingual speakers. *Emotion.* 15 (5). pp. 644–652. DOI: 10.1037/emo0000061
27. Altarriba, J. (2008) Expressions of emotion as mediated by context. *Bilingualism: Language and Cognition.* 11 (2). pp. 165–167.
28. Dewaele, J.M. (2004) The emotional force of swearwords and taboo words in the speech of multilinguals. *Journal of Multilingual and Multicultural Development.* 25 (2-3). pp. 204–222.
29. Pavlenko, A. (2008) Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon. *Bilingualism: Language and Cognition.* 11 (2). pp. 147–164.
30. Pavlenko, A. (2012) Affective processing in bilingual speakers: disembodied cognition? *International Journal of Psychology.* 47 (6). pp. 405–428.
31. Dewaele, J.M. & Pavlenko, A. (2002) Emotion vocabulary in interlanguage. *Language Learning.* 52 (2). pp. 263–322.
32. Kuperman, V., Estes, Z., Brysbaert, M. & Warriner, A.B. (2014) Emotion and language: Valence and arousal affect word recognition. *Journal of Experimental Psychology: General.* 143 (3). pp. 1065–1081.
33. Larsen, R.J., Mercer, K.A., Balota, D.A. & Strube, M.J. (2008) Not all negative words slow down lexical decision and naming speed: Importance of word arousal. *Emotion* (Washington D.C.). 8. pp. 445–452.
34. Rezanova, Z.I. & Nekrasova, E.D. (2017) Semantics of diminutive suffixes in the perception of native speakers of the Russian language: influence of contextual and social factors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 421. pp. 12–21. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/2
35. Mendez-Bertolo, C., Pozo, M.A. & Hinojosa, J.A. (2011) Word frequency modulates the processing of emotional words: Convergent behavioral and electrophysiological data. *Neuroscience Letters.* 494 (3). pp. 250–254. DOI: 10.1016/j.neulet.2011.03.026
36. Zevin, J.D. & Seidenberg, M.S. (2002) Age of acquisition effects in word reading and other tasks. *Journal of Memory and Language.* 47 (1). pp. 1–29. DOI: 10.1006/jmla.2001.2834
37. Babenko, L.G. (2008) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy* [The Big Explanatory Dictionary of Russian Nouns: An Ideographic Description. Synonyms Antonyms]. Moscow: AST-Press Kniga.
38. Vasil'eva, A.V. & Rezanova, Z.I. (2019) Emotionality of the Diminutive: The Relation with the Evaluation, Frequency, Age of Acquisition, Contextual Correlation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 445. pp. 22–31. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/445/3

Received: 15 April 2020